

Дух восстания

I

В жизни человечества бывают эпохи, когда революция становится насущной необходимостью, когда она неизбежна. Новые идеи нарождаются с каждым днем, стремятся проявиться и найти себе применение в жизни, но они на каждом шагу сталкиваются с инертностью защитников старого режима и гаснут в удушливой атмосфере старых предрассудков и традиций прошлого. Принятые в нашем обществе взгляды на политический строй Государств, на законы социального равновесия, на политические и экономические взаимоотношения граждан не выдерживают никакой критики; они разбиваются каждый день, при каждом удобном случае, как в трудах философов, так и в обыденной беседе, как в роскошных салонах, так и в убогих харчевнях. Политические, экономические и социальные институты рушатся; старые здания, развалины, в которых жизнь стала уже невозможна, — они не дают развиваться зачаткам, зародившимся в расселинах их полуразрушенных стен.

Чувствуется потребность чего-то нового. Нравственный кодекс, которым до сих пор руководствовалась большая часть людей в своей обыденной жизни, потерял всякое значение, стал явной безмыслицей.

Все, что мы еще так недавно уважали, с чем мирились, признается теперь вопиющей несправедливостью; нравственность вчерашнего дня поражает своей ужасающей безнравственностью. Столкновения между новыми идеями и старыми традициями становятся все чаще и ожесточеннее; они вносят разлад во все слои общества и даже в семью. Сын вступает в борьбу с отцом: он приходит в ужас от всего того, что отец находил естественным всю свою жизнь; дочь возмущается теми принципами, которые мать старается ей передать, как плоды своего многолетнего опыта. Народное сознание, народная совесть восстают ежедневно против всех безобразий, происходящих в среде привилегированных и праздных классов, против преступлений, которые совершаются во имя права сильного, чтоб удержать в своих руках привилегии. Те, которые жаждут торжества справедливости и стремятся провести в жизнь новые идеи, не могут не признать, что их самоотверженные и гуманные идеи, — идеи, способные дать человечеству возрождение, неосуществимы при современном общественном строе: они сознают необходимость революционной бури, которая очистит мир от плесени, покрывшей его, вдохнет жизнь в оцепеневшие сердца и принесет человечеству благородство, самоотвержение и героизм, без которых общество заражается пороками и разлагается.

В эпохи бешеной погони за обогащением, в эпохи лихорадочных спекуляций и кризисов, внезапных крахов крупных промышленности и эфемерного развития некоторых отраслей

производства, в эпохи быстрого накопления постыдных богатств и столь-же быстрого их расточения, — общество начинает сознавать, что экономические учреждения, заведующие производством и обменом, не дают того благосостояния, которое они призваны гарантировать. Вместо порядка они зарождают хаос, вместо благосостояния нужду, неуверенность в завтрашнем дне; вместо гармонии интересов, они создают непрерывную войну, войну эксплуататора с производителем, эксплуататоров и производителей между собой. Общество распалось на два враждебных лагеря и разделилось в то же время на тысячи мелких групп, ведущих между собой ожесточенную борьбу. Утомленное бесконечными войнами, изнемогая под тяжестью нищеты и лишений, оно усиленно ищет новой организации; оно решительно требует полного преобразования режима собственности, производства и обмена и всех вытекающих из него экономических отношений.

Правительственная машина, призванная поддерживать существующий порядок, еще функционирует. Но при каждом повороте её заржавленных колес она спотыкается и останавливается. Её работа становится все более и более затруднительной, и недовольство, возбуждаемое её недостатками, все растет. Каждый день возникают новые требования. — „Преобразуйте это, переделайте то-то!“ кричат со всех сторон. — „Война, финансы, налоги, суды, полиция, — все должно быть преобразовано и установлено на новых началах“, говорят реформаторы. Но все понимают, что невозможно переделать что-нибудь одно; все должно быть преобразовано сразу; но как приступить к работе, когда общество открыто разделено на два враждебных лагеря? Удовлетворить одних недовольных — это значит создать других.

Правительства не способны приступить к реформам, так как для этого нужно было бы перейти на сторону революции; в то же время они слишком бессильны, чтоб открыто вступить на путь реакции; вот почему они прибегают к полумерам, которые никого не могут удовлетворить и только создают новые недовольства. Посредственности, которые в переходные эпохи забирают в свои руки управление правительственной ладьей, думают лишь об одном: они стараются как можно скорее разбогатеть, предвидя близкий разгром. Осажденные со всех сторон, они неумело защищаются, лавируют, делают глупость за глупостью и наконец обрывают последнюю нить спасения: топят правительственный престиж в своей тупости и несостоятельности.

В такие эпохи революция неизбежна. Она является социальной необходимостью; положение становится революционным.

Изучая генезис и развитие революционных потрясений, мы находим в трудах наших историков в главе: „Причины Революции“, поразительную картину положения общества накануне событий. Там, — и нищета народа, и отсутствие общественной безопасности, и принудительные меры правительства, и ужасные скандалы, выводящие на свет гнусные пороки общества, и новые идеи, стремящиеся проявиться и непрерывно сталкивающиеся с несостоятельностью представителей старого режима. Изучая эту картину, мы приходим к заключению, что революция действительно была неизбежна, и единственным исходом было вступление на путь восстания.

Рассмотрим, например, положение общества до 1789 года. Крестьянин жалуется на подати и налоги и таит в своем сердце непримиримую вражду к сеньору, монаху, скупщику, кулаку, интенданту. Буржуа жалуется на потерю муниципальных свобод и изливает на короля целый поток проклятий.

Народ поносит королеву, возмущается рассказами о поступках министров и беспрестанно повторяет, что налоги невыносимы и подати разорительны, урожаи плохи и зимы суровы, съестные припасы дороги и кулаки ненасытны, деревенские адвокаты съедают жатву крестьянина и лесники разыгрывают из себя царьков, почта плохо организована и чиновники слишком ленивы... Словом, все жалуется, все не ладно. „Это не может идти так дальше, это кончится скверно!“ — говорят со всех сторон.

Но от этих мирных рассуждений до восстания — далеко; между ними лежит целая пропасть, та пропасть, которая отделяет у большей части людей рассуждение от действия, мысль от воли, желание от поступка. Как перешагнули через эту пропасть? Как эти люди, которые вчера еще, покуривая трубку, спокойно жаловались на свою судьбу, ругали жандармов и в то же время униженно кланялись им, — решились взяться за дубины и пошли громить дворцы сеньора, этой грозы вчерашнего дня? Благодаря каким чарам эти люди, которых жены презирали и справедливо называли трусами, превратились в героев, идущих под пулями и картечью завоевывать свои права? Каким чудом эти слова, которые столько раз произносились и умирали в воздухе подобно бесцельному звону колоколов, превратились в действия?

Ответ очень прост.

— Работа меньшинства, работа непрерывная и продолжительная, произвела это превращение. Смелость, самоотверженность, способность жертвовать собой так же заразительны, как трусость, покорность и паника.

Какие формы примет агитация? — Да самые разнообразные, все, которые будут продиктованы ей обстоятельствами, средствами, темпераментами. То мрачная и суровая, то задорная, но всегда смелая, то коллективная, то чисто индивидуальная, она пользуется всякими средствами, всеми явлениями общественной жизни, чтоб пробуждать мысль, распространять и формулировать недовольство, возбуждать непримиримую ненависть к эксплуататорам, выставлять в смешном виде правителей, доказывать их слабость и, главным образом, всегда и везде пробуждать смелость и дух восстания.

II

Когда в стране готовится революция, но дух восстания недостаточно силен в массах, чтоб проявляться бурными манифестациями, мятежами и восстаниями, — меньшинство только действием может пробудить смелость и стремление к независимости, без которых немыслима ни одна революция.

Люди, смелые и неподкупные, которые не довольствуются одними словами, не примиряются с разладом между словом и делом, предпочитают тюрьму, ссылку и смерть — жизни, противоречащей их принципам, люди, говорящие: „надо смель, чтоб победить“, — вот те одинокие „передовые“, которые начинают битву гораздо раньше, чем массы достаточно возбуждены, чтоб открыто поднять знамя восстания и итти с оружием в руках завоевывать свои права.

Среди жалоб, разговоров и теоретических споров, вырывается вдруг какой-нибудь поступок, вызванный крайним возмущением, поступок индивидуальный или коллективный, который служит ярким показателем господствующих стремлений. Возможно, что вначале массы относятся к нему безразлично. Преклоняясь перед смелостью отдельных лиц или целой группы, они прислушиваются к речам благоразумных и осторожных людей, которые спешат объявить этот поступок „безумием“ и сказать, что „горячия головы, безумцы, погубят все дело“. Они рассчитали, эти благоразумные и осторожные люди, что их партия, спокойно продолжая свою работу, через сто, двести, может быть, триста лет, завоюет весь мир, — и вдруг врывается что-то неожиданное: неожиданное, т. е. то, чего не ожидали они, эти благоразумные и осторожные. Кто хоть несколько знаком с историей и не лишен способности отдавать себе отчет в своих мыслях, прекрасно знает, что теоретическая пропаганда революции неизбежно переходит в действие гораздо раньше, чем того хотят теоретики; но все же, благоразумные теоретики возмущаются поступками безумцев, предают их анафеме и изгоняют из своей среды. Однако, эти безумцы находят тайное сочувствие в народе, который восторгается их смелостью и готов следовать их примеру. Большой частью, они идут умирать в тюрьмы и на каторгу, но сейчас же являются новые безумцы, которые продолжают их работу. Бурные проявления нелегального протеста, поступки, вызванные возмущением и жаждой мести, — все учащаются.

Оставаться индифферентным теперь уже невозможно. Люди, которые вначале даже не задумывались над тем, чего хотят „безумцы“, принуждены теперь дать себе в этом отчет, выяснить их идеи и стремления и стать на ту или другую сторону. Поступки этих „безумцев“ привлекают всеобщее внимание, и в несколько дней делают больше, чем тысячи брошюр. Новые идеи проникают в сознание и завоевывают все больше и больше сторонников.

Пропаганда действием пробуждает дух восстания и зарождает смелость. — Старый режим с его судьями, полицейскими, жандармами и солдатами казался непоколебимым, но и Бастилия была неприступна в глазах безоружного народа, собравшагося под её высокими стенами, укрепленными заряженными пушками, готовыми открыть огонь. Но вскоре замечают, что установленный режим не так силен, как это казалось. Одного смелого поступка было достаточно, чтоб расстроить в несколько дней правительственную машину, чтоб поколебать этот колосс. Один смелый порыв поставил вверх дном целую провинцию, и грозные войска должны были отступить перед горстью крестьян, вооруженных камнями и дубинами. Народ замечает, что чудовище не так страшно: несколько энергичных усилий, и оно погибнет. Надежда зарождается в сердцах и, — заметьте это, — если отчаяние вызывает иногда мятежи, то только надежда, надежда победить, создает революции.

Правительство пытается устоять; оно не хочет показать своей слабости и безумно свирепствует. Но, если раньше репрессии могли убивать энергию угнетенных, то теперь в

эпохи возбуждения, они производят обратное действие. Репрессии вызывают новые взрывы, новые протесты, индивидуальные или коллективные; они доводят восставших до героизма и понемногу революционные действия усиливаются и распространяются.

Революционная партия растет благодаря притоку новых элементов, которые раньше относились к ней враждебно или же прозябали в полной индифферентности. В правительстве и среди правящих и привилегированных классов произошел разлад: одни стоят за упорное сопротивление, другие высказываются за уступки, третьи, наконец, готовы отказаться на время от своих привилегий, чтоб успокоить непокорных, в надежде в скором будущем окончательно подавить восстание. Связь между правительством и привилегированными классами порвана.

Правители могут, конечно, обратиться к последнему средству: прибегнуть к бешеной реакции. Но теперь уже поздно; борьба от этого станет только ожесточеннее, а грядущая революция zalьется кровью. С другой стороны, малейшая из уступок со стороны правящих классов ободряет восставших, так как она сделана слишком поздно, вернее, вырвана силой. Народ, который раньше удовлетворился бы этой уступкой, замечает, что враг сдается; он предвидит победу и чувствует как растет его сила; люди, которые раньше под бременем нищеты и страданий ограничивались одними вздохами, гордо поднимают голову и смело идут к завоеванию лучшего будущего.

Наконец, разражается революция, и чем ожесточеннее была борьба, тем бурнее будет революция.

Направление, которое примет революция, зависит, конечно, от всей суммы разнообразных обстоятельств, которые подготовили наступление катаклизма. Но оно может быть определено заранее по силе революционных действий, совершенных в подготовительный период различными партиями.

Такая то партия тщательно выработала теории, проповедующие ею, и активно пропагандировала пером и словом свою программу. Но её стремления не были достаточно подкреплены делами, которые являлись бы осуществлением её основных идей и принципов. Она не предприняла ничего решительного против своих самых опасных врагов, не коснулась учреждений, которые ей предстояло разрушить; она была сильна созданной ею теорией, но у неё не было дел; она не сумела пробудить духа восстания и направить свои действия против того, чему должен быть нанесен решительный удар в момент наступления революции. И вот, эта партия осталась менее известной; с её именем не связаны дела, слух о которых дошел бы до самых отдаленных хижин; её стремления не проникли в народные массы, не прошли через горнило толпы и улицы, не нашли себе ясной формулы, выраженной несколькими словами, ставшей лозунгом всего народа.

Писатели, представители этой партии, известны читателям, как мыслители, но у них нет ни репутации, ни способностей людей дела; в тот день, когда толпа устремится на улицу, она пойдет за теми, чьи теоретические идеи, может быть, и менее ясны, стремления менее благородны, но которые успели показать себя в деле.

Та партия, которая вела более широкую агитацию и проявила больше жизни и смелости, станет во главе движения в тот момент, когда надо будет действовать, когда надо будет произвести революцию. Но, если у неё не хватило смелости заявить о себе революционными действиями в подготовительный период, если у неё нет достаточной силы убеждения, чтоб внушить отдельным индивидуумам или группам чувство самоотречения и непреодолимое желание привести в исполнение свои идеи, — если бы это желание существовало, оно перешло бы в действие гораздо раньше, чем народ устремился бы на улицу, — если знамя её не стало знаменем народа и стремления её недостаточно осязаемы и понятны, — эта партия не будет иметь возможности привести в исполнение ни одного пункта своей программы. Она будет побеждена активными партиями.

Вот что нам говорит история о периодах, предшествующих революциям. Революционная буржуазия прекрасно поняла это: стремясь уничтожить монархический режим, она не пренебрегала ни одним из способов агитации, чтоб пробудить дух восстания. Французский крестьянин прошлого века инстинктивно понимал это, когда он боролся за уничтожение феодальных прав. Интернационал придерживался тех же принципов, когда он стремился пробудить в среде городских рабочих дух восстания и направить его против естественного врага наемника, — хищника, который захватил в свои руки орудия и средства производства.

III

Интересно и необходимо было бы изучить те средства агитации, которыми пользовались в различные эпохи революционеры, чтоб ускорить наступление революции, уяснить массам значение грядущих событий, указать народу его главных врагов и пробудить в нем дух смелости и восстания. Мы знаем прекрасно, почему такая то революция была неизбежна, но только инстинктивно мы можем объяснить себе процесс зарождения революции.

В Пруссии главный штаб издал для армии целый научный труд о том, как подавлять народные восстания, дезорганизовывать мятежи, вносить разлад в среду борцов и рассеивать их силы. Теперь хотят наносить сразу верные удары, душить народ по правилам. Изучение, о котором мы только что говорили, могло бы дать ответ на этот труд и на многие другие, разбирающие те же вопросы, может быть даже с меньшим цинизмом. Оно показало бы нам, как дезорганизовать правительство, как рассеять его силы, как поднять нравственный уровень народа, подавленного нищетой и гнетом.

До сих пор еще ничего не сделано в этом направлении. Историки дали нам яркую картину великих моментов эволюции человечества в его стремлении к освобождению, но они почти не останавливались на периодах, предшествующих революциям. Поглощенные тем, чтоб набросать самую драму, они лишь вскользь говорят о прологе. А нас больше всего интересует этот пролог.

Какую захватывающую, грандиозную и прекрасную картину представляют собой усилия великих борцов, подготовлявших революции! Какую неутомимость проявляли крестьяне и некоторые деятели из буржуазии в своей работе до 1789 года; какую упорную борьбу вели республиканцы, начиная с реставрации Бурбонов в 1815 году до их падения в 1830 году;

сколько самоотверженности было в деятельности тайных обществ во время царствования толстого буржуа Людовика-Филиппа! Каким ужасом веет от заговоров, составляемых итальянцами с целью свергнуть австрийское иго, — от их героических попыток, от невыразимых страданий их мучеников. Как мрачна и грандиозна была бы трагедия, описывающая все преследования, которым подвергалась тайная работа русской молодежи, подкапывающейся под правительство, стремящейся преобразовать капиталистический и земельный режим, — работа, продолжающаяся с 1860 года до наших дней! Сколько благородных личностей предстало бы пред современным социалистом, если бы он прочел эти драмы; сколько самоотверженности и величественного самоотречения увидел бы он в них, какое революционное воспитание, не только теоретическое, но и практическое, могли бы они дать нашему поколению!

Мы не станем тут заниматься подобным изучением. Ограничимся несколькими примерами, в которых покажем какими средствами пользовались наши отцы для революционной агитации.

Бросим беглый взгляд на один из периодов, предшествующих 1789 году, и, оставив в стороне подробный анализ обстоятельств, создавших к концу прошлого века революционное положение, ограничимся указанием нескольких приемов агитации, употребленных нашими предшественниками.

Революция 1789—1793 года дала нам два крупных явления. Низвержение королевской власти и появление буржуазии у кормила правления, с одной стороны; окончательное уничтожение рабства и ленных податей в деревнях, с другой. Оба они тесно связаны между собой, немыслимы одно без другого. Эти два течения замечаются в агитации предшествующей революции: агитация против королевской власти в среде буржуазии, агитация против прав сеньоров среди крестьян.

Бросим беглый взгляд на оба эти течения.

Газета в ту эпоху не имела того значения, которое она приобрела сейчас; её место занимали брошюры, памфлеты и листки в три, четыре страницы. Брошюры распространяли в массах идеи философов и экономистов, предшественников революции; памфлеты и летучие листки способствовали агитации, направляя весь яд своего сарказма на трех главных врагов народа: короля и его двор, аристократию и духовенство.

Тысячи летучих листков говорят о развращенности королевы, о пороках и преступных развлечениях двора, срывают с него обманчивые покровы, осмеивают его и стремятся обнажить всю его подлость и глупость.

Любовные истории короля, придворные скандалы, безумная расточительность, знаменитый Pacte de Famine — союз между правителями и скупщиками хлеба, заключенный с целью нажиться, заставляя голодать народ, — вот о чем говорят памфлеты. Их авторы всегда на стороже и пользуются всяким случаем общественной жизни, чтоб нанести удар своим врагам. Как только в обществе заговорят о каком-нибудь событии, — памфлет и летучий листок спешат дать ему свое толкование. Они удобнее чем газета для такого рода

агитации. Газета — целое предприятие; её прекращение может поставить в затруднительное положение всю партию, и потому приходится призадуматься прежде чем решиться на что-нибудь рискованное. Памфлет же и листок компрометируют только автора и типографа, — а попробуйте-ка их найти!..

Авторы этих листов, очевидно, должны были первым делом освободиться от цензуры. Тогда не прибегали еще к милой уловке современного иезуитства, к судебному преследованию прессы, которое лишает всякой свободы революционного писателя; авторов и типографов арестовывали по тайным повелениям, по грубым, но, по крайней мере, откровенным „lettres de cachet”.

И поэтому авторы печатали свои памфлеты или в Амстердаме, или еще где-нибудь, — „за сто верст от Бастилии, под деревом Свободы”. Они не стеснялись в своих напаках; поносили короля, королеву и её любовников, сановников и аристократию. С этой подпольной прессой полиция, конечно, не могла справиться; сколько она ни обыскивала книжные магазины, ни арестовывала газетчиков, — авторы не попадались ей в руки и спокойно продолжали свое дело.

Песня, — слишком правдивая, чтоб быть напечатанной, переходившая из уст в уста с одного конца Франции на другой, — была всегда одним из самых удачных способов пропаганды. Она обрушивалась на установленные власти и общепризнанные авторитеты, осмеивала коронованных особ, сеяла везде, вплоть до семейного очага, презрение к королевской власти, ненависть к духовенству и аристократии, надежду на скорое наступление революции.

Но, главным образом, агитаторы прибегали к объявлениям, вывешиваемых на улицах. Объявление заставляло говорить о себе, вызывало больше толков и волнений, чем памфлет или брошюра. И объявления, печатные или писанные, появлялись при всяком удобном случае каждый раз, как происходило что-либо интересующее общество. Они срывались, но на следующий день появлялись снова и приводили в бешенство правителей и их сыщиков. — „Ваши предки не попались нам в руки, но вам не избежать нашей мести!” читает сегодня король на листках, приклеенных к стенам его дворца. Завтра королева плачет от злости, видя, что на улицах вывешивают объявления, говорящие о мельчайших подробностях её постыдной жизни. Тогда еще зародилась в народе ненависть, проявленная им впоследствии, к женщине, готовой уничтожить весь Париж, чтоб остаться королевой и удержать в своих руках власть.

Вздумают-ли царедворцы отпраздновать рождение Дофина, — объявления угрожают поджечь город, вызывают панику и готовят умы к чему то необыкновенному. Или вдруг появятся на улице объявления, возвещающие, что в день такого-то праздника „король и королева будут под конвоем отведены на Гревскую площадь, потом в городскую думу для исповеди и наконец взойдут на эшафот и будут сожжены живыми” Созовут-ли король собрание нотаблей, сейчас же вывешиваются объявления: „новая труппа комедиантов, набранная господином Калоном (первый министр) начнет свои представления 29 числа такого-то месяца и даст аллегорический балет „Бочка Данаид”. Или же, становясь все ядовитее и злее, объявления проникнут в ложу королевы и возвестят ей, что тираны

скоро будут казнены.

Но объявления направляются, главным образом, против скупщиков хлеба, главных арендаторов и интендантов. И каждый раз, как в народе замечается усиленное возбуждение, они объявляют Варфоломеевскую ночь для интендантов и главных арендаторов. Фабрикант, хлеботорговец, интендант, которых ненавидит народ, — приговариваются этими объявлениями к смерти от имени „народного совета“, „народного парламента“ и т. п.; и во время восстания народная месть обрушится, конечно, на тех из эксплуататоров, имена которых особенно часто попадались в объявлениях.

Если бы можно было собрать все неисчислимое количество объявлений, появившихся в течение десяти, пятнадцати лет, предшествующих революции, — мы бы поняли, какое громадное значение имел этот род агитации для приготовления всеобщего восстания. Объявления эти, игривые и насмешливые вначале, становились все более угрожающими по мере приближения развязки; всегда живые и остроумные, всегда готовые отозваться на каждое явление текущей политики и ответить на запросы масс, — они возбуждали в народе недовольство, указывали ему на его главных врагов, пробуждали в крестьянах, рабочих и буржуазии жажду мести и возвещали о близком дне расплаты, дне освобождения.

Совершение казней над изображениями преступников было очень распространенным обычаем в прошлом столетии. Это был один из самых употребительных способов агитации. Каждый раз, как замечалось в народе усиленное возбуждение, на улицу выносилось изображение врага данного момента, кукла, которую вешали, сжигали, или четвертовали. — „Ребячество!“ — скажут молодые старики, мнящие себя разумными. Но пусть они знают, что нападение на помещение, в котором происходили выборы в 1789 году, казни Фулона и Бертье, изменившая совершенно характер революции, — были только осуществлением того, что агитаторы подготовили и внушили народу путем казней над соломенными куклами.

Рассмотрим несколько примеров. Парижский народ ненавидел Мопу, одного из любимых министров Людовика XVI. И вот, как-то появляется на улице толпа, раздаются крики и кто-то объявляет „по постановлению парламента, господин Мопу, канцлер Франции, приговаривается к сожжению, и пепел его должен быть раскидан по ветру!“ Вслед за этим, толпа направляется к статуе Генриха IV с куклой, изображающей канцлера, со всеми знаками отличия, и сжигает эту куклу при одобрении всех присутствующих. В другой раз привешивают к фонарю изображение аббата Terray в рясе и белых перчатках. В Руане четвертуют изображение Мопу и, так как жандармы не допускают скопления народа, толпа ограничивается тем, что вешает вверх ногами изображение скупщика, у которого из носа, ушей и рта обильным дождем сыплется пшеница.

Вот вам и пропаганда! пропаганда во всяком случае более действительная, чем абстрактная пропаганда, доступная небольшому числу избранных.

Чтоб подготовить восстания, предшествующия великой революции, надо было приучить народ выходить на улицу, громко выражать свои взгляды в общественных местах, не бояться полиции, войска и кавалерии. Вот почему революционеры той эпохи не пренебрегают ни одним из способов, бывших в их распоряжении, чтоб привлечь народ на

улицу и вызвать скопища.

Они пользуются всяким явлением общественной жизни, как в Париже, так и в провинциях. Когда общественному мнению удастся принудить короля удалить нелюбимого министра, начинаются празднества и иллюминации. Чтоб привлечь народ, устраивают фейерверки, пускают ракеты. Если не хватает денег, останавливают, по словам современников, прохожих и „вежливо, но твердо просят немного денег для увеселения толпы”. Как только соберется народ, ораторы начинают говорить, объясняют и комментируют события; вскоре образуются целые клубы под открытым небом. Войска, явившиеся рассеять толпу, не решаются употребить насилия против этих мирно настроенных людей, а фейерверки и ракеты, разрывающиеся в воздухе при радостных возгласах и хохоте народа, умеряют пыл слишком ревностных блюстителей порядка.

В провинциальных городах вдруг показываются на улицах трубочисты, которые представляют и высмеивают заседание парламента, на котором присутствует король. Раздаются взрывы хохота; толпа весело встречает людей, с измазанными сажей физиономиями, изображающих короля или королеву. Акробаты и жонглеры собирают на площадях тысячную толпу и потешают своих зрителей забавными рассказами, задевающими правителей и богачей. Страсти разгораются, возбуждение растет, и горе тому правителю или богачу, который в этот момент попадет в руки толпе: он будет растерзан ею.

Лишь бы мысль работала в этом направлении, — и сколько удобных случаев найдет смысленный человек, чтоб вызвать скопища, собрать на улицах толпу из болтунов и насмешников вначале, а потом из людей, готовых действовать, готовых жертвовать собой, особенно если возбуждение в народе подготовлено самим положением дел и отчаянными поступками безумцев.

Революционное положение и всеобщее недовольство с одной стороны, объявления, вывешенные на стенах, памфлеты, песни и совершение казней над изображениями, с другой — ободряют народ и придают ему смелость; понемногу скопища на улицах становятся все чаще и принимают более угрожающий характер. Сегодня напали в темном закоулке на парижского архиепископа, вчера чуть было не утопили какого то графа или герцога; властей встречают и провожают с гиканием и свистом. Словом, проявления народного возмущения становятся все чаще и разнообразнее, и готовят день, когда достаточно будет малейшей искры, чтоб эти скопища превратились в мятеж, а мятеж в революцию.

— „Это восстания черни, восстания негодяев и бездельников”, — говорят теперь наши честные историки.

— Да, это верно, революционеры буржуа искали себе союзников не среди людей состоятельных, которые в салонах поносили правителей, а на деле гнули перед ними спину; в пригородных кабачках, пользующихся дурной славой, брали они себе товарищей, вооруженных дубинами, когда дело шло о нападении на его святейшество парижского архиепископа.

IV

Если бы революционные действия ограничились нападками на отдельных правителей и на правительственные институты, не касаясь институтов экономических, могла ли Великая Революция быть тем, чем она была на самом деле, всеобщим восстанием народных масс, — крестьян и рабочих против привилегированных классов? Продолжалась ли бы революция четыре года? Подняла ли бы она на ноги всю Францию? Нашла ли бы в себе ту непобедимую силу, которую она противопоставила королям?

Конечно, нет! Историки могут петь хвалебные гимны Учредительному Собранию, Конвенту и всем „messieurs du Tiers”, — но мы знаем в чем тут дело. Мы знаем, что революция достигла бы лишь минимального конституционного ограничения королевской власти и не коснулась бы феодального режима, если бы крестьянское население всей Франции не восстало и не поддерживало бы в стране в течение четырех лет анархию — добровольную революционную работу отдельных групп и индивидуумов, освободившихся от какой бы то ни было правительственной опеки. Мы знаем, что крестьянин остался бы вьючным скотом сеньора, если бы Жакерия не свирепствовала с 1788 до 1793 года, — до того времени, когда Конвент был принужден санкционировать законом то, чего уже добились крестьяне: уничтожение без выкупа ленных податей и возвращение Коммунам всех богатств, отнятых у них при старом режиме богачами. Тщетно было бы ждать справедливости от Собраний; они ничего бы не дали народу, если бы голыши и санкюлоты не бросили на парламентские весы своих пик и дубин.

Но, ни агитация против министров, ни вывешивание в Париже объявлений, направленных против королевы, не могли подготовить восстания в деревнях. Восстание это было результатом общего состояния страны, результатом агитации людей, которые вышли из народа и направляли свои нападки на его непосредственных врагов: сеньора, священника—собственника, скупщика хлеба и толстого буржуа.

Этот род агитации еще менее известен, чем тот, о котором мы только что говорили. У нас есть история Парижа, но историей деревни никто еще не начинал заниматься серьезно; история не знает крестьянина; но те немногие сведения, которые дошли до нас, дают нам о нем некоторое представление.

Памфлеты и летучие листки не проникали в деревню; крестьяне в то время были, большей частью, неграмотны. Пропаганда производилась при помощи простых и понятных картин, напечатанных или нарисованных. На этих лубочных картинах надписывали несколько слов, — и этого было достаточно, чтоб воображение народа создало целые романы, в которых действующими лицами были король, королева, графы, куртизанки, сеньоры, эти „вампиры, высасывающие кровь народа”. Картины эти переходили из деревни в деревню и возбуждали умы.

Вывешивались иногда на деревьях объявления, которые призывали к восстанию, предвещали скорое наступление лучших дней и рассказывали о мятежах, непрерывно вспыхивающих во всех концах Франции.

В деревнях под именем „Jacques” образовывались тайные общества, которые поджигали амбары сеньора, уничтожали его урожай и даже убивали его. Часто находили в каком-нибудь дворце труп пронзенный ножом, носящим надпись: De la part des Jacques! Случалось, нападали на какого-нибудь сеньора, едущего в своем громоздком экипаже по краю оврага. С помощью ямщика его связывали, клали ему в карман бумагу с надписью: De la part des Jacques! и бросали его в овраг.

Или же ставили на перекрестке двух дорог виселицу с надписью: Если сеньор посмеет взимать подать, он будет повешен на этой виселице; кто посмеет платить сеньору подвергнется той же участи! И крестьянин, не принуждаемый властями, не вносил податей и был доволен, что нашел возможность избавиться от этой повинности. Он понемногу привыкал к мысли, что можно не вносить платежей, не повиноваться сеньору, вскоре он уж сам не хотел платить и угрозами принуждал сеньора отказаться от взимания каких бы то ни было податей.

В деревнях непрерывно появлялись объявления, возвещавшие, что отныне взимание податей отменено, что надо сжигать дворцы и поземельные росписи, что Народный Совет издал указ в этом смысле. — „Хлеба! Отмены налогов и податей!” вот тот лозунг, который обходил все деревни. Понятный и близкий всем, он проникал в душу матери, дети которой не ели в течение трех дней, пронизывал мозг крестьянина, преследуемого властями, которые вырывали у него силой недоимки. „Долой скупщиков!” — и склады их взламывались, обозы с хлебом захватывались, и мятеж переходил из провинции в провинцию. „Долой пошлины на съестные припасы!” — и заставы сжигались, а города, которым не хватало денег, в свою очередь восставали против центральной власти, требующей от них платежей. — „Сжигайте реестры налогов, счетные книги, архивы муниципалитетов!” — и в июле 1789 года канцелярские бумаги горели, власть дезорганизовывалась, сеньоры эмигрировали, и революция охватывала своим огненным кольцом всю страну.

Все что разыгралось в Париже, было лишь отражением того, что происходило в провинциях, отзвуком революции, которая бушевала в каждом городе, каждой деревне, которую народ был готов всецело направить не против центрального правительства, а против своих непосредственных врагов: эксплуататоров, этих пиявок, присосавшихся к его организму.

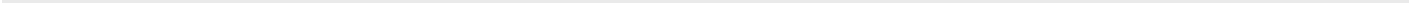
Словом, революция 1788—1793 года показала нам, как народная революция (революция преимущественно экономическая, как все народные революции) дезорганизует Государство.

Во Франции много раньше 1789 года замечалось революционное настроение, но дух восстания еще недостаточно созрел, чтоб разразилась революция. И революционеры направляли все свои усилия на развитие этого духа непокорности и смелости, духа непримиримой вражды к существующему социальному строю.

В то время, как революционеры из буржуазии устремляли свои нападки на правительство, революционеры из народа, — те, чьих имен нам даже не сохранила история, — подготавливали свое восстание, свою революцию и направляли все свои действия против сеньоров, агентов государственной казны и всякого рода эксплуататоров.

В 1788 году непрерывные народные бунты возвещали приближение революции. Король и буржуазия стремились подавить ее уступками, но могли ли остановить народную волну Генеральные Штаты, иезуитские уступки 4-го августа, жалкие указы Законодательного Собрания? — Таким путем можно успокоить политические волнения, но этого слишком мало, чтоб улеглось народное восстание. Волна подымалась все выше; стремясь поглотить собственность, она подтачивала Государство. Она делала невозможным утверждение какого бы то ни было правительства, и народное восстание, направленное против сеньоров и богачей, кончилось тем, что через четыре года королевская власть и абсолютизм были уничтожены.

Таков ход всех великих революций. Таков будет ход и развитие будущей Революции, если она — в чем, конечно, мы не сомневаемся, — будет не простой переменой правительства, а настоящей народной революцией, катаклизмом, который переродит режим собственности.

Версия #1
[redacted] [redacted] создал 23 апреля 2025 23:31:29
[redacted] [redacted] обновил 23 апреля 2025 23:33:05